

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ
КОНСТРУКТ ИЛИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

ХЛЫСТУНОВ Сергей Юрьевич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25, e-mail: khlystunov-sy@yandex.ru

Author ID (РИНЦ): 466720

МАСЛЯКОВ Денис Сергеевич, аспирант Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25, e-mail: denmas87@mail.ru

Аннотация. Для Российской Федерации на современном этапе актуализирован вопрос о дальнейшем укреплении российской нации. В данном процессе поиска оптимальных путей участвуют политики, представители экспертного и научного сообщества. *Цель статьи* – провести системный анализ современной российской нации как этнополитического феномена. При этом данный анализ представлен авторами с позиции двух методологических подходов: конструктивизма и примордиализма. Методы исследования: структурно-функциональный метод, системный метод, метод контент-анализа. Результаты исследования: авторы доказали, что высокая межэтническая конфликтность в современной России связана с тем, что российское общество так и не сложилось в единую этнонацию. Российское общество представляет собой нацию лишь в гражданско-правовом аспекте. В этнополитическом ракурсе российская нация представляет собой полиэтничный конгломерат, причем с наличием отрицательно комплементарных этносов с потенциально высоким конфликтным потенциалом.

Ключевые слова: этничность, этнополитический конфликт, немецкая и французская концепции нации, этнические диаспоры.

Цит.: Хлыстунов С.Ю., Масляков Д.С. Современная российская нация: социальный конструкт или антропологическая реальность // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Том 17. – № 6. – С. 30-47.

**MODERN RUSSIAN NATION:
SOCIAL CONSTRUCT OR ANTHROPOLOGICAL REALITY**

KHLYSTUNOV S. Y., Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Sciences, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of RANEPA (Russian Federation, Saratov), e-mail: khlystunov-sy@yandex.ru

MASLYAKOV D. S., Postgraduate student, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of RANEPA (Russian Federation, Saratov), e-mail: denmas87@mail.ru

Abstract. For the Russian Federation at the present stage the issue of further strengthening the Russian nation has been updated. This process of searching for optimal ways involves politicians, representatives of the expert and scientific community. The purpose of the article is to conduct a systematic analysis of the modern Russian nation as an ethnopolitical phenomenon. At the same time, this analysis is presented by the author from the standpoint of two methodological approaches: constructivism and primordialism. Research methods: structural-functional method, system method, content analysis method. Within the framework of the study the authors have come to the following conclusion. The results of the study - authors proved that the high interethnic conflict potential in modern Russia is due to the fact that the Russian society has not formed into a single ethnonation. Russian society is a nation only in the civil law aspect. In the ethnopolitical perspective, the Russian nation is a multi-ethnic conglomerate, moreover, with the presence of negatively complementary ethnic groups with a potentially high conflict potential.

Keywords: ethnicity, ethnopolitical conflict, German and French concepts of nation, ethnic diasporas.

For citations: Hlystunov, S.J., Maslyakov, D.S. (2022) Modern Russian nation: social construct or an anthropological reality // Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 17, Issue 6. – P.30-47.

ВВЕДЕНИЕ

Конституция РФ гласит, что Россия – это государство, где проживает «многонациональный народ, соединенный общей судьбой на своей земле» [1, с. 3]. С правовой точки зрения это стандартное юридическое определение, основанное на французской концепции нации, где базовым постулатом является равенство всех граждан страны перед законом, а формальное гражданство подразумевает национально-государственную идентичность.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема заключается в том, что внутри нашего «многонационального народа» стремительно возрастает уровень этнической преступности и конфликтности, причем в таких масштабах, которые не свойственны с точки зрения этнополитологии «единому народу».

Более того, за счет интенсивного замещения сокращающегося государствообразующего этноса получающими гражданство мигрантами из Средней Азии меняется этнодемографический баланс. Сегодня ситуация настолько усугубилась, что глава СКР РФ А. И. Бастрыкин обратился к Президенту РФ В. В. Путину с предложением об ужесточении миграционного законодательства в связи с ростом этнической преступности и опасности усиления межэтнических столкновений [2, с. 1]. Причем конфликтность нарастает не только между русскими и новыми гражданами – мигрантами из Средней Азии и Закавказья, но и между русскими и представителями северокавказских этносов, представители которых являются гражданами РФ по рождению.

Единственный способ строго научного понимания этой проблемы лежит в использовании этнополитологического научного аппарата и разработанных в его рамках методологических подходов. С позиции этнополитологии, которая ориентирована на исследование всех проявлений этничности в политическом поле, понятие «многонациональный народ» – научно некорректно, так как противоречит научному пониманию феноменов народа и нации. Это наша гипотеза.

Целью данной статьи является поиск научного ответа на вопрос, существуют ли в реальности «многонациональный народ» и российская нация как этнополитические феномены или это формальное юридическое определение, не имеющее под собой субстанциональной основы, что подразумевает решение следующих взаимосвязанных задач.

Прежде всего, это выбор адекватного методологического подхода к феномену этничности, позволяющего проанализировать субстанциональные причины этнических конфликтов, действующие независимо

от второстепенных политэкономических и культурно-идеологических факторов. Затем мы сформулируем адекватные этнополитическому понятийному аппарату определения народа (этноса) и нации, которые бы отвечали методологическим принципам системности и историчности. После чего дадим научно корректное определение российского общества как этнической и национальной общности и рассмотрим перспективу его дальнейшего этнонационального развития.

Российская этнополитология является одной из самых молодых обществоведческих дисциплин. Хотя процесс ее институционализации произошел в 1990-х годах, она, на наш взгляд, всё еще находится в стадии генезиса. Сегодня эта актуальная и перспективная дисциплины попала в методологический тупик. Главная причина – многолетний и бесперспективный спор примордиалистов и конструктивистов о природе этничности и ее проявлений, уже переместившийся из научной сферы в идеологическую.

Сторонники примордиализма считают, что этничность есть объективная данность, но при этом у них диаметрально противоположные взгляды на ее происхождение. Сторонники биологизаторского взгляда на этничность, такие как Л. Н. Гумилев [3, с. 750], А. Н. Севастьянов [4, с. 750], В. Д. Соловей [5, с. 481], А. Н. Савельев [6, с. 608], В. Р. Дольник [7, с. 354], К. Лоренц [8, с. 616], П. Л. Ван ден Берге [9, с. 89–99], Т. Ванханен [10, с. 149] и другие, считают этничность расово-антропологическим феноменом. В то время как сторонники социологизаторского взгляда, например М. Вебер [11, с. 557], Э. Дюркгейм [12, с. 432], Ф. Тённис [13, с. 432], Ю. В. Бромлей [14, с. 284], Н. Н. Чебоксаров [15, с. 295] и другие, считают, что этничность – это социокультурная характеристика человека.

Что касается конструктивистского подхода, то его представители, например Б. Андерсон [16, с. 413], Э. Хобсбаум [17, с. 305], Э. Гелнер [18, с. 319], П. А. Сорокин [19, с. 543], П. Бурдьё [20, с. 336], В. А. Тишков [21, с. 542], С. Г. Кара-Мурза [22, с. 704] и другие, считают, что этничность – это воображаемый феномен, конструкт, результат уникальной конфигурации социальных факторов в конкретных исторических условиях.

Сегодня спор примордиалистов и конструктивистов уже перешел в политико-идеологическую плоскость и часто ведется с нарушением логики и методологии науки. Суть этого спора в том, что первые считают этничность чисто биологическим феноменом, вторые – чисто социальным, культурным. Каждая из сторон имеет для своих утверждений веские основания. Дело в том, что на любой эволюционной стадии

развития этнической общности от рода до нации существует два общих типа самоидентификации и идентификации «чужого».

Первый тип, биологический, инстинктивный, где дифференциация «свой-чужой» происходит на основе сходства по расово-антропологическим признакам, т. е. «по крови» (внешнему виду). Второй тип – культурный, где дифференциация «свой-чужой» происходит на основе сходства языка, менталитета, мировоззрения, традиций, материальной культуры, социально-экономического, правового или профессионального статуса. Этот тип идентификации точнее будет называть этнокультурным, так как конкретная культура здесь четко закрепляется за конкретным этносом. Однако не стоит абсолютизировать ни первый тип, ни второй, поскольку они проявляются по-разному и в разных ситуациях.

Итак, мы имеем феномен этничности и два базовых механизма идентификации «свой-чужой»: биологический и культурный. Представляется методологически ошибочным и контрпродуктивным стремиться через одно понятие – «этничность» – фиксировать два принципиально различных механизма идентификации «свой-чужой» или определять только один, игнорируя при этом другой. Значит, этничность может быть чем-то одним: либо биологической субстанцией и являться основой для биологического механизма идентификации, либо культурным конструктом и являться основой для культурного механизма идентификации.

Адекватным выходом из этой ситуации может быть использование общефилософской методологии – классического субстанционального подхода. Начиная с Аристотеля понятие «субстанция» фиксировало некую сущность, лежащую в основе и существующую благодаря себе. Классическим определением субстанции представляется формулировка Б. Спинозы: «Субстанция – это то, что существует само по себе и представляется само через себя, и представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было образоваться. Субстанция – это причина самой себя» [23, с. 7–8].

Очевидно, что у любого биологического и социального феномена есть «тело» – субстанция – и его неотъемлемые, неизменные и сущностные элементы, без которых оно не может существовать, – его атрибуты. При этом любой реальный атрибут конкретной субстанции представляет ее сущность и может быть представлен только сам через себя. Значит, любая субстанция может быть понята через ее сущностные атрибуты. Используем этот методологический подход для определения феномена этничности.

ФЕНОМЕН ЭТНИЧНОСТИ

Этничность как любой феномен имеет свое «тело» – субстанцию, являющуюся причиной самой себя. У этой субстанции есть сущностные признаки – атрибуты, которые существуют всегда и везде, в одном и том же количестве и качестве. Так вот ни одна из форм культурной идентификации – язык, менталитет, мировоззрение, традиция, материальная культура и различные статусы – не является имманентным, постоянным и сущностным атрибутом-признаком этнической субстанции. Все они носят «плавающий» характер: они могут быть, могут не быть, причем в разном наборе и разных пропорциях, и при этом меняться во времени. Значит, все эти культурные феномены не могут быть субстанциональными признаками этничности: ни все вместе, ни по отдельности, ни в какой-либо пропорции. Отрицать этот вывод – значит противоречить классической философской традиции.

В то же время использование данного методологического инструмента дает основание признать научно корректным примордиалистски-биологизаторский подход к феномену этничности. Действительно, все биометрические маркеры (биохимические, генетические, церебральные, краниологические, дерматоглифические, физиогномические и т. д.), очевидно, являются имманентными, постоянными и сущностными атрибутами-признаками этнической субстанции. Их невозможно сконструировать искусственно, а значит, этничность – это субстанционально биологический феномен.

Следовательно, у нас есть основания считать, что только механизм идентификации «свой-чужой» по принципу «крови» (внешнему виду) методологически верно называть этнической идентификацией, а второй механизм – этнокультурной идентификацией, по какому бы признаку она ни осуществлялась: по языку, религии, менталитету или национально-государственной принадлежности. И никакой из перечисленных культурных признаков не может определять феномен этничности.

Далее, опираясь на вышеизложенное, мы будем рассматривать этничность исключительно как биологическую субстанцию, которая определяет инстинктивные программы идентификации «свой-чужой» по принципу кровного родства. Отрицать биологическую изначальность этничности, а значит этнической общности, и механизм идентификации «свой-чужой» по принципу крови, т. е. внешнего вида, антинаучно – таков наш непредвзятый вывод.

Безусловно, ошибочно игнорировать роль социокультурных факторов, современный человек – это биосоциальное существо, но культура

– это маска, а не лицо. Человек часть биосферы, и, даже став биосоциальным существом, он продолжает подчиняться законам биологического мира. Игнорирование биологических, популяционных различий между этносами в этнополитическом процессе, сильно снижает прогностические возможности этнополитологии. Конструктивисты стремятся игнорировать биологическую сущность человека и ее влияние на социальную жизнь, но она от этого не исчезает. Наоборот, даже покрывшись «культурной скорлупой», она постоянно прорывается сквозь культурные барьеры. В критических ситуациях этнополитических конфликтов в полиэтничной среде, когда человек действует инстинктивно, на первый план однозначно выходит базовая идентификация, где и «свой», и «чужой» определяется «по крови».

Глубоко понять феномен этнополитического конфликта можно лишь на основе различения двух его видов: этнизированного политического конфликта и политизированного этнического конфликта, что было подробно раскрыто в одной из авторских статей [24, с. 84–92]. Это связано с тем, что у различных индивидов и групп в различных ситуациях, под влиянием различных факторов доминировать начинает либо этнический, либо второй этнокультурный механизм идентификации.

Первый тип конфликта может быть разрешен административными и политическими инструментами, например внедрением национально-пропорциональной системы представительства в органы власти. Здесь можно согласиться с конструктивистами-инструменталистами в том, что этничность может политизироваться и мобилизоваться политическими технологами и этническими предпринимателями ради достижения конкретных политических целей.

Второй тип – это чистый образец биологической, популяционной внутривидовой борьбы за выживание в политическом пространстве, хотя она всегда культурно окрашена. Любые попытки урегулирования политизированных этнических конфликтов исключительно политическими или социально-экономическими инструментами бесплодны. В данном случае будут эффективны только жесткие административно-силовые инструменты и методы – физическое подавление агрессии противоборствующих сторон.

Единственный способ предупредить либо не допустить возникновения этнополитического конфликта обоих типов – это обеспечить адекватный этнодемографический баланс и баланс интересов между территориально соприкасающимися отрицательно комплементарными этносами, что ранее было доказано авторами, и не допускать

безнаказанности в случае противоправных действий обеих сторон. Этот вывод подтверждается и работами этолога К. Лоренца, который доказал, что причина межэтнической неприязни – это действие механизма этологической изоляции. При контакте с внешне непохожим человеком срабатывает инстинктивная программа, свойственная всем животным, агрессия на близкий вид или свой подвид. Поэтому настороженно-агрессивная реакция на непохожего, «чужого» инстинктивна. У расово-этнической неприязни врожденные корни, это работа генетической программы. Хотя это не значит, что мы ее оправдываем, но инстинкт логики не признает [25, с. 371].

Личный опыт авторов и анализ эмпирических данных этнополитических конфликтов в Узбекистане в 1990-х гг. [26, с. 136] и в период возвращения Республики Крым в состав РФ в 2014 г. [27, с. 208–213] показывают, что при падении уровня жизни каждый этнос инстинктивно становится более агрессивным. В этой ситуации практически каждый человек с нормальной психикой, интеллектом и воспитанием при прочих равных условиях спасает и защищает, прежде всего, своих родных детей и кровных родственников.

На наш взгляд, агрессию заведомо невозможно «выключить», наложив на нее «культурный» запрет. Единственный способ справиться с инстинктом этнической агрессии – это административными и военнополитическими средствами «подавить» ее на некоторое время или переключить с одного объекта на другой. Социально-экономические средства сами по себе эту проблему решить не помогают – межэтнический, межпопуляционный конфликт самодостаточен. И хотя сам конфликт имеет социальную форму, культура только канализирует инстинктивную этническую агрессию в конкретное русло и оформляет этнополитический конфликт.

Итак, высокая конфликтогенность – это результат действия в первую очередь инстинктивных программ, а также соматических и церебральных различий. При этом конфликтующие стороны могут иметь общие культурные скрепы, а могут и не иметь их, и тогда культурные различия лишь усиливают биологические. Ситуация еще более усложняется, если этническая общность трансформируется в нацию как высшую эволюционную ступень собственного развития, обусловленную появлением у нее собственной государственности современного типа.

История человеческой цивилизации дала нам примеры эволюционного развития этнических общностей: род, племя, союз племён, народ (этнос) и нация. Представляется, что именно нация стала высшей эволюционной точкой развития этнических общностей, причем возник

этот феномен только в рамках исторического капитализма, причем не везде и не у всех. Данная трактовка феномена нации впервые получила название немецкой этнической концепции нации (этнонации) в противовес французской – формально-правовой, политической, гражданской концепции нации.

В истории цивилизации были мощные политии и патримонии с иерархией властных кланов, были государствообразующие этносы и полиэтничные империи, но наций-государств в том виде, в каком они появились в Европе в рамках Вестфальской межгосударственной системы, ранее нигде и никогда не существовало. Это очевидно для всех, кто опирается в своих исследованиях на принципы историзма и системности – «рождение» нации в эпоху Модерна связано в первую очередь с объективным процессом разрушения традиционного общества и его коллективных форм (родоплеменных, сословных и территориальных) и лишь во вторую очередь – с деятельностью националистов и государственной бюрократии.

Мы согласны с определением А. Н. Севастьянова, согласно которому «нация – это биологическое образование, соотносящееся с государством как содержание с формой, где форма создается под содержание, оформляя его, а не наоборот» [4, с. 384]. Однако, когда он утверждает, что любой этнос, создавший свою государственность (даже в периоды Античности и Средних веков), является нацией, то он нарушает принципы системности и историзма, следуя которым приходится признать, что нация – это феномен, присущий исключительно эпохе Модерна. Данное утверждение подтверждается также и классической социологической традицией, которую заложили еще Ф. Тённис, Э. Дюркгейм и М. Вебер, четко и научно корректно разделявшие такие феномены, как общность и общество.

Во-первых, они относили эти феномены к разным эволюционным уровням социальной организации. Например, Ф. Тённис считал, что общность – это базовая единица традиционного, докапиталистического мира, где индивиды спаяны инстинктивной волей, т. е. этническими связями, основанными на эмоциональной близости: любви, сострадания и «чувстве крови», в то время как общество – это базовая единица современного, капиталистического, буржуазного, индустриального общества, где индивиды спаяны уже рассудочной волей, т. е. социальными связями, основанными на осознании полезности и ценности даже при наличии серьезных биологических или культурных различий [13, с. 75].

Во-вторых, общность и общество имели и имеют различные политико-правовые формы. Для общности (род, племя, этнос) классической

политико-правовой формой является патримония с жесткой иерархией родственных кланов, где главный механизм идентификации – «кровь». Что касается общества (моноэтническая нация или полиэтнический конгломерат), то его основной политико-правовой формой является национальное государство, состоящее по большей части из атомизированных индивидов, потерявших «чувство крови», у которых главный механизм идентификации – «культура», а этническая идентичность заменяется национализмом и патриотизмом.

В-третьих, общность может существовать (за редким исключением) только на доиндустриальной основе либо, и как это ни странно, на гипериндустриальной, в то время как общество существует только на индустриальной базе, да оно и возникло во многом благодаря ей. Причем нациеобразование происходило одновременно с возникновением государства, которое получило название национального. Индустриальная революция пролетаризировала массы, сделала их совокупностью атомизированных индивидов, которые, даже принадлежа к одному этносу, превращались в «этническую пыль», а базовой идентичностью становилась сверхэтническая, национально-государственная.

Также очень важно различать юридическое и научное определение нации. Первое появилось в революционной Франции (французская концепция нации), где нацией стали называть конгломерат различных этносов, институционально объединенных в рамках единого государства. Представители всех этносов получили статус свободных и равноправных граждан, в соответствии с Конституцией 1791 г., и были объявлены единым сообществом – французской нацией (где термином «национальность» стали обозначать французское гражданство). На наш взгляд, это не нация, а этнический конгломерат, состоящий из этносов, находящихся на разных ступенях эволюционного развития, которые не ассимилируются друг с другом, а порой находятся в жестком антагонизме, что подтверждается крахом всех западных стратегий мультикультурализма и «плавильного котла», созданных на основе конструктивистского подхода. Этнические конгломераты распадаются сразу же, как только степень административного контроля опускается ниже определенного уровня.

Но существует и немецкая концепция нации, в основе которой лежит биологический, этнический фактор. Нацией, или этнонацией, считается этнос или группа родственных этносов, которые смогли обрести собственную государственность в границах собственного расселения. В создании данной концепции участвовали такие ученые,

как Г. Гегель [28, с. 471] и О. Бауэр [29, с. 77–78], которые доказывали, что в нациообразовании главным фактором является этнический, а не правовой, и кровное родство невозможно заменить гражданством. Например, Г. Гегель однозначно считал, что нация есть общность, состоящая из «единства телесного развития, образа жизни, занятий, равно как и особых направлений ума и воли», а государство – это «непрерывная действительность отдельного по своим природным свойствам определенного народа» [28, с. 364]. На наш взгляд, немецкая концепция нации дает точную и научно корректную формулировку феномену нации. Она нашла понимание и у российских ученых, например, исследователь А. И. Вдовин доказывает, что этнонация – это фаза развития этноса, где он обретает государство и суверенитет [30, с. 38].

В данном случае этнонация – это не согражданство, а этнос (или группа родственных этносов), создавший свою государственность и объединенный в рамках единого национального государства, имеющий и осознающий свое кровное и ментальное родство, культуру, политическое самосознание и общий гражданский интерес. На этом уровне развития индивид в первую очередь идентифицирует себя как гражданина и лишь во вторую очередь – представителей конкретной этнической общности. Однако эта формулировка верна, если этнонация имеет гомогенное этническое тело и не является этническим конгломератом, состоящим из чужих «по крови» этнических общностей, тем более если они находятся на разных стадиях эволюционного развития, как, например, в России или во Франции.

Исходя из вышеизложенного определения, классическими нациями мы считаем только некоторые европейские, буржуазные нации XIX – начала XX века: немецкую, итальянскую, испанскую, шведскую и т. д. Что касается России, то российская нация в строго научном смысле до сих пор так и не сформировалась. Безусловно, данное утверждение для сторонников конструктивистского подхода звучит дискуссионно. Например, этнолог В. А. Тишков в своих работах, по сути, игнорирует понятие этноса, утверждая, что расово-антропологические различия не имеют принципиального значения в нациогенезе, и этнополитические исследования нужно ориентировать на культурные конструкты, такие как гражданская нация [21, с. 28].

Однако мы не можем с этим согласиться, так как в рамках выбранного нами методологического подхода, правомерность использования которого мы доказали выше, гражданская нация – это псевдонация, т. е. полиэтничный конгломерат, единство которого является в чистом виде воображаемой реальностью и юридической категорией, в то

время как реальная нация – это только этнонация. Мы убеждены, что русские как государствообразующий народ и другие коренные народы создали мощную империю, но не успели слиться в единую этнонацию по нескольким причинам.

Во-первых, как четко зафиксировал А. И. Фурсов, «в России, где община существовала до начала XX в., условий для появления целостной русской нации не было, к тому же фокус групповой идентичности носил не этнический, а религиозный (православие) и монархический (самодержавие) характер. Эти формы не просто изжили себя, они еще и заблокировали развитие русской нации. В советский период русская нация тоже не сложилась, поскольку началось формирование общности нового типа – «советского народа», а русское национальное, за исключением периода конца 1930-х – начала 1950-х годов, не поощрялось по контрасту с курсом на развитие «национального сознания» во всех республиках, кроме РСФСР. Затем в период с конца 1980-х годов произошел искусственный демонтаж «недостроенного» советского народа [31, с. 198].

Во-вторых, в России нациеобразование частично удалось только по отношению к трем славянским этносам (русским, украинцам и белорусам), у которых родо-племенная (клановая) идентичность уже утрачена в пользу более эволюционно высокой – этнической. Однако этот процесс не затронул тюркские этносы, находящиеся на родо-племенной стадии своего этнического развития, подтверждением чего является факт наличия сильных этнократических и этноцентристских тенденций практически во всех национальных республиках РФ. Это принципиальный момент: те этнические общности, которые живут в рамках родо-племенных коллективностей, трансформироваться в этнонации не способны, хотя юридически могут считаться таковыми.

В-третьих, на территории России проживают значительные по количеству этнические диаспоры некоренных этносов, которые тоже блокируют нациеобразование русских, которые не создают этнические диаспоры. Причина этой ситуации в том, что у этнических русских высокий уровень внутривнутрипопуляционной агрессии и низкий уровень межпопуляционной (что делает их зависимыми от единства территории проживания и жесткой авторитарной централизации), у тюркских этнических меньшинств ситуация обратная. Научного объяснения этому явлению у нас пока нет, хотя существует масса эмпирических доказательств, в том числе и академических ученых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что с точки зрения этнополитологии никакого многонационального народа и российской нации не существует. Современная Россия – это полиэтничный конгломерат отрицательно комплементарных этносов, где национагенез русских как государствообразующего народа, доля которого достигает 77 % населения [32, п. 2], блокируется этнократией (которая всегда порождает клановость, противопоставляющую себя государству) тюркских этносов в национальных республиках и этнических диаспор, рассеянных по территории страны. Русские и тюркские народы так и остаются самостоятельными этносами, хотя первые уже давно пережили свой родо-племенной, клановый уровень этнической организации, а вторые еще нет. В строго научном смысле национальной (сверхэтнической) идентичности в России практически нет, число граждан, для которых национальная, сверхэтническая идентичность важнее этнической, близко к статистической погрешности.

Сегодня в России мы имеем не «многонациональный народ», а несколько народов, которые могут считаться нацией лишь по формально-правовому принципу – на основе общего гражданства, но никак не на основе этнического единства, которое невозможно между отрицательно комплементарными этносами, следствием чего является высокий уровень межэтнической конфликтности. Этот факт полностью подтверждается эмпирическими исследованиями, проведенными Республиканским институтом политических и социологических исследований при участии одного из авторов на территории Симферопольского городского совета в период с 9 февраля по 14 мая 2016 г. (в период до, во время и после присоединения Крыма к РФ).

Был обнаружен факт устойчивой солидарности конкретных этнических групп по ряду наиболее важных политических и социальных вопросов. Анализ трех крупнейших этнических групп – русских (65,2 % населения Крыма), украинцев (15,9 %) и крымских татар (12,5 %) – показал, что именно в таких пропорциях были выражены их мнения (погрешность в некоторых случаях составляла не более 1,5 %), притом что с 1991 г. все они проживали в рамках одной государственности [33, с. 112].

Представляется, что перспектива снижения уровня этнической преступности и конфликтности лежит в сфере выравнивания реальных статусов, прав и возможностей всех сторон потенциальных этнополитических конфликтов, а главное, их этнодемографического баланса. И первым шагом может стать ликвидация этнических диаспор как

кровнородственных кланов, противопоставляющих себя русским как государствообразующему народу и имеющих административные преференции со стороны власти.

Библиография/References:

1. Конституция РФ. — М.: Эксмо, 2022. — С. 3.
2. Глава СКР Бастрыкин доложил Путину о преступлениях мигрантов в России // Российская газета. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/02/07/17252383.shtml>.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — М.: ДИ-ДИК, 1994. — 640 с.
4. Севастьянов А. Н. Основы этнополитики. — М.: Издательские решения, 2019. — 750 с.
5. Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. — М.: Русский мир, 2008. — 480 с.
6. Савельев А. Н. Образ врага. Расология и политическая антропология. — М.: Белые альвы, 2007. — 608 с.
7. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. — СПб.: Изд-во Петроглиф, 2009. — 354 с.
8. Лонерц К. Так называемое зло. — М.: Культурная революция, 2008. — 616 с.
9. Ван ден Берге П. Л. Раса и этничность // Вопросы национализма. — 2014. — № 4 (20). — 89—99 с.
10. Ванханен Т. Этнические конфликты. — М.: Кучково поле, 2014. — 149 с.
11. Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. — 557 с.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М.: Канон, 1996. — 432 с.
13. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. — СПб.: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2002. — 448 с.
14. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М.: 1973. — 284 с.
15. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. — М.: «Наука», 1985. — 295 с.
16. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 413 с.
17. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб.: Алетейя, 1998. — 305 с.
18. Геллер Э. Нации и национализм. — М.: прогресс, 1991. — 319 с.

19. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 2001. — 543 с.
 20. Бурдые П. Социология политики. — М. Socio-Logos, 1993. - 336 с.
 21. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследование по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — 542 с.
 22. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. — М.: Алгоритм, 2007. — 704 с.
 23. Спиноза Б. Этика. — М.: Рипол Классик, 2021. — 496 с.
 24. Хлыстунов С. Ю., Иванченко В. Н. Этническая комплиментарность: неучтенный фактор этнополитического процесса // Вестник Поволжского института управления. — Саратов, 2022. — № 3. — Т. 22. — С. 84—92.
 25. Лонерц К. Так называемое зло. — М.: Культурная революция, 2008. — 616 с.
 26. Амелин В. В. Межнациональные конфликты в республиках Средней Азии, на рубеже 80-90-х гг. / В. В. Амелин. — М.: Изд. центр "РОСС", 1993. — 136 с.
 27. Ибрагимов А. А. Этнополитические процессы в Крыму и их влияние на положение интересов России в регионе // Вестник университета. — Изд. ФГБОУ ВПО «ГУУ», 2013. — № 3. — С. 208—213.
 28. Гегель Г. Ф. Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа. — М.: Мысль, 1977. — 471 с.
 29. Бауэр О. Национальные вопросы и социал-демократия // Нации и национализм. — М.: 2002. — 162 с.
 30. Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век. — М.: Алгоритм, 2010. — С. 311.
 31. Фурсов А. И. Русский интерес. Издание третье. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019. — 501 с.
 32. Статистика и показатели. — URL: <https://rosinfostat.ru/natsionalnyj-sostav/>.
 33. Республиканский институт политических и социологических исследований. — URL: <https://sociology.space/>.
-
1. Konstituciya, RF. (2022) M.: Eksmo. P. 3. (In Russ.)
 2. Glava SKR Bastrykin dolozhil Putinu o prestupleniyah migran-tov v Rossii [The head of the TFR Bastrykin reported to Putin about the crimes of migrants in Russia] // Rossijskaya gazeta [Russian newspaper]. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/02/07/17252383.shtml>. (In Russ.)
 3. Gumilev, L. N. (1994) Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and the

biosphere of the earth]. M.: DI-DIK. 640 p. (In Russ.)

4. Sevast'yanov, A. N. (2019) Osnovy etnopolitiki [Fundamentals of ethnopolitics]. M.: Izdatel'skie reshe-niya [M.: Publishing solutions]. 750 p. (In Russ.)

5. Solovej, V. D. (2008) Krov' i pochva russkoj istorii [Blood and soil of Russian history]. M.: Russkij mir [Russian world]. 480 p. (In Russ.)

6. Savel'ev, A. N. (2007) Obraz vraga. Rasologiya i politicheskaya antropologiya [The image of the enemy. Rasology and political anthropology]. M.: Belye al'vy [M.: Belye Alva]. 608 p. (In Russ.)

7. Dol'nik, V. R. (2009) Neposlushnoe ditya biosfery. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptic, zverey i detej [Naughty child of the biosphere. Conversations about human behavior in the company of birds, animals and children]. SPb.: Izd-vo Petro-glif [St. Petersburg: Petro-glyph Publishing House]. 354 p. (In Russ.)

8. Lonerc, K. (2008) Tak nazyvaemoe zlo [The so-called evil]. M.: Kul'turnaya revolyuciya [M.: Cultural Revolution]. 616 p. (In Russ.)

9. Van den, Berge P. L. (2014) Rasa i etnichnost' [Race and ethnicity] // Voprosy nacionalizma [Questions of nationalism]. № 4 (20). 89—99 p. (In Russ.)

10. Vanhanen, T. (2014) Etnicheskie konflikty [Ethnic conflicts]. M.: Kuchkovo pole [M.: Kuchkovo field]. 149 p. (In Russ.)

11. Veber, M. (1990) Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moskva [Moscow]. 557 p. (In Russ.)

12. Dyurkgejm, E. (1996) O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of social labor]. M.: Kanon [M.: Canon]. 432 p. (In Russ.)

13. Tyonnis, F. (2002) Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoj so-ciologii [Community and society. Basic concepts of pure sociology]. SPb.: «VLADIMIR DAL'» [St. Petersburg: "VLADIMIR DAL", 2002]. 448 p. (In Russ.)

14. Bromlej, YU. V. (1973) Etnos i etnografiya [Ethnos and ethnography]. Moskva [Moscow]. 284 p. (In Russ.)

15. CHEboksarov, N. N., CHEboksarova, I. A. (1985) Narody. Rasy. Kul'tury [Peoples. Races. Culture]. M.: «Nauka» [M.: "Science"]. 295 p. (In Russ.)

16. Anderson, B. (2001) Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. M.: Kanon-press-C, Kuchkovo pole [M.: Canon-press-Ts, Kuchkovo field]. 413 p. (In Russ.)

17. Hobsbaum, E. (1998) Nacii i nacionalizm posle 1780 goda [Nations and nationalism after 1780]. SPb. Aletejya, 1998. 305 p. (In Russ.)

18. Geller, E. (1991) *Nacii i nacionalizm [Nations and nationalism]*. M.: progress. 319 p. (In Russ.)
19. Sorokin, P. A. (2001) *CHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]*. M.: Politizdat. 543 p. (In Russ.)
20. Burd'e, P. (1993) *Sociologiya politiki [Sociology of politics]*. M. Socio-Logos. 336 p. (In Russ.)
21. Tishkov, V. A. (2003) *Rekviem po etnosu: Issledovanie po social'no-kul'turnoj antropologii [Requiem for ethnos: A study in socio-cultural anthropology]*. M.: Nauka [M: Scinse]. 542 p. (In Russ.)
22. Kara-Murza, S. G. (2007) *Demontazh Naroda [Dismantling of the people]*. M.: Algoritm. 704 p. (In Russ.)
23. Spinoza, B. (2021) *Etika [Ethics]*. M.: Ripol Klassik. 496 p. (In Russ.)
24. Hlystunov, S. YU., Ivanchenko, V. N. (2022) *Etnicheskaya komplimentarnost': neuchtennyj faktor etnopoliticheskogo processa [Ethnic complementarity: an unaccounted factor of the ethnopolitical process] // Vestnik Po-volzhskogo instituta upravleniya [Bulletin of the Volga Institute of Management]*. Saratov. № 3. Vol. 22. P. 84—92. (In Russ.)
25. Lonerc, K. (2008) *Tak nazyvaemoe zlo [The so-called evil]*. M.: Kul'turnaya revolyuciya [M.: Cultural Revolution]. 616 p. (In Russ.)
26. Amelin, V. V. (1993) *Mezhnacional'nye konflikty v respublikah Srednej Azii, na rubezhe 80-90-h gg. [Interethnic conflicts in the republics of Central Asia, at the turn of the 80-90 s.] / V. V. Amelin. M.: Izd. centr "ROSS" [M.: Publishing Center "ROSS"]*. 136 p. (In Russ.)
27. Ibragimov A. A. (2013) *Etnopoliticheskie processy v Krymu i ih vliyanie na polozhenie interesov Rossii v regione [Ethnopolitical processes in Crimea and their influence on the position of Russia's interests in the region] // Vestnik univer-siteta [Bulletin of the University]*. Izd. FGBOU VPO «GUU». № 8. P. 208—213. (In Russ.)
28. Gegel', G. F. (1977) *Enciklopediya filosofskih nauk. Tom 3. Filosofiya duha [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Volume 3. Philosophy of the Spirit]*. M.: Mysl' [Moscow: Mysl]. 471 p. (In Russ.)
29. Bauer, O. (2002) *Nacional'nye voprosy i social-demokratiya [National issues and social democracy] // Nacii i nacionalizm [Nations and nationalism]*. Moskva [Moscow]. 162 p. (In Russ.)
30. Vdovin, A. I. (2010) *Podlinnaya istoriya russkih. HKH vek [The true history of the Russians. XX century]*. M.: Algoritm. P. 311. (In Russ.)
31. Fursov, A. I. (2019) *Russkij interes. Izdanie tret'e [Russian interest. Third edition]*. M.: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK [Moscow: Association of Scientific Publications of the CMC]. 501 p. (In Russ.)

32. Statistika i pokazateli [Statistics and indicators]. URL: <https://rosinfostat.ru/natsionalnyj-sostav/>. (In Russ.)
33. Respublikanskij institut politicheskikh i sociologicheskikh is-sledovanij. [Republican Institute of Political and Sociological Research] URL: <https://sociology.space/>. (In Russ.)